

Европейский Суд по правам человека и непрекращающаяся борьба с Левиафаном

Максим Тимофеев*

В разделе *Praxis* опубликованы пять комментариев к решениям Европейского Суда по правам человека, вынесенным в 2011 году. В настоящем редакционном предисловии мы сочли необходимым обратить ваше внимание на две пары решений данного регионального суда, каждая из которых поднимает различные проблемы, касающиеся, тем не менее, более широкого вопроса пределов осуществления власти — как символической, так и в форме прямого физического насилия — в условиях демократической государственности.

Первая пара постановлений — это постановления по делам «*Аль-Джедда против Великобритании*» и «*Аль-Скейни и другие против Великобритании*».

Данные дела объединены не только датой вынесения постановлений, государством-ответчиком, арабскими именами заявителей и представлявшим их в Суде известным барристером Рабиндером Сингхом, который в октябре 2011 года стал судьёй Высокого суда Англии и Уэльса. Правовые проблемы, с которыми столкнулся Европейский Суд в указанных делах, возникли в контексте участия британского военного контингента в осуществлении военной операции в Ираке, и оба постановления привнесли важные новеллы в правоприменительную практику Страсбургского суда, касающуюся, прежде всего, вопроса пределов ответственности государств — участников Конвенции за нарушения прав чело-

века. В обоих случаях Европейский Суд решил дела в пользу заявителей, и власти Великобритании не смогли спрятаться ни за щит принципа территориальности, ни под эгидой общей санкционированности актов государства Советом Безопасности ООН.

В постановлении по *делу Аль-Скейни* Европейский Суд модифицировал свой подход к проблеме экстратерриториального действия положений Конвенции, который оставался неизменным на протяжении десяти лет с момента принятия решения по делу об авиабомбардировке Белграда силами НАТО («*Банкович и другие против Бельгии и других государств*»). Как отмечает автор комментария Лиана Мунтян, новые критерии оценки, хотя и являются прогрессивным шагом в практике Европейского Суда, не лишены недостатков и способны породить проблемы, с которыми Суду, скорее всего, придется столкнуться в будущем.

Дело Аль-Джедды поставило перед Европейским Судом несколько дилемм. Прежде всего, вопрос о том, какой субъект — государство или международная организация — несёт ответственность за нарушения прав человека, в случае если такие нарушения были допущены в ходе военной операции, осуществляемой многонациональными силами с санкции Совета Безопасности ООН. И в других, проблема конфликта между обязательствами государств, вытекающими, с од-

* Тимофеев Максим Тимофеевич — заместитель главного редактора журнала «Международное правосудие», кандидат юридических наук (email: timofeyev.max@gmail.com).

ной стороны, из требований Конвенции, а с другой — из положений Устава ООН. На оба вопроса Европейский Суд дал ответы, которые позволяют автору комментария Сергею Голубку утверждать, что отныне судебный контроль региональных судов по правам человека может оказывать влияние на практику Совета Безопасности ООН.

Вторую пару решений составляют постановления по делу «*Лаутси и другие против Италии*» и взаимосвязанные решения по делам «*Уардири против Швейцарии*» и «*Лига мусульман Швейцарии и другие против Швейцарии*» (далее — дела о запрете на строительство минаретов), которые касаются различных аспектов проявления свободы вероисповедания.

В деле «*Лаутси и другие против Италии*» был поднят вопрос о допустимости размещения распятий в классах государственных школ, которое, с точки зрения заявителей, нарушало право на образование и право на свободу мысли, совести и религии. По данному делу Европейским Судом было вынесено два постановления (Палата и Большая Палата); при этом разные составы Суда заняли диаметрально противоположные позиции: Большая Палата отобрала у заявителей победу, присужденную им Палатой ранее¹. Автор комментария Татьяна Сырунина анализирует высказанные судьями аргументы и рассуждает о специфике толкования Судом принципа конфессионального нейтралитета и подходе к применению доктрины свободы усмотрения государств-участников.

Конституционный запрет на строительство минаретов в Швейцарии, введенный в

2009 году, вызвал бурю эмоций и породил многочисленные дебаты как в самой стране, так и за её пределами. Закономерно, что данный вопрос оказался и на рассмотрении Европейского Суда. Как и в деле *Лаутси*, в указанных делах заявители утверждали, что их право на свободу вероисповедания было нарушено. Жалобы, однако, не были рассмотрены Европейским Судом по существу: они были признаны неприемлемыми, поскольку заявители не смогли доказать, что являются жертвами нарушения Конвенции. Мария Сучкова, комментируя решения по указанным делам, отмечает, что помимо того, что решения уточняют процедурный по своей природе вопрос о статусе жертвы нарушения Конвенции, они проливают свет и на подходы Суда к содержанию гарантий статьи 9 Конвенции.

На фронтисписе первого издания «Левиафана» Томаса Гоббса² была изображена фигура, в правой руке держащая меч, символ светской власти, а в левой — епископский жезл, символ власти религиозной, церковной. Разделение светской и церковной власти, а также ограничение осуществляемого государством права меча были одними из основных мотивов борьбы за индивидуальную свободу, направленную против государства абсолютистского толка. Начавшаяся в Новое время борьба против всемогущего Левиафана, которая долгое время ограничивалась рамками отдельных государств, благодаря международному праву прав человека покинула национальные ристалища и продолжается на международных аренах, таких, как Европейский Суд по правам человека.

¹ Подобные случаи не редкость в практике Суда: можно, в частности, обратить ваше внимание на дело *Гефгена*, комментарий к которому был опубликован в предыдущем номере журнала «Международное правосудие».

² См.: *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.*